

«Стремлюсь туда, где живут или жили мои герои...». Интервью Валерия Писигина корреспонденту Галине Чоп к пятидесятилетию со дня рождения // «Торжокская неделя». – 2007. № 42 (466). – 24 октября. – С.6-7.

1. *Валерий Фридрихович, Ваши всесторонние интересы и познания потрясают: Вы писали статьи на экономические темы... затем стали работать над очерками событийного характера («Эхо пушкинской строки», к примеру). Меня потрясла Ваша книга «Посолонь. Письма с Чукотки». Что движет Вами в литературном творчестве?*

Когда я был занят политикой и «писал статьи на экономические темы», мною во многом двигало тщеславие. В политике это допустимо. Сентенции вроде «Если не ты, то кто же?» и герои типа горьковского Данко овладевали всем моим существом. Желание «спасти отечество», «развеять тьму», «вывести народ на путь свободы и демократии» и прочие благоглупости, а плюс к этому полная уверенность, что этим спасителем являюсь именно я, – вот какой бес сидел во мне... Когда в середине девяностых я оставил это опасное для моей души занятие и начал писать книги, тщеславие уступило дорогу честолюбию. Это не худший двигатель в данном случае, и, поверьте, именно честолюбие не позволяло мне останавливаться на полпути, когда мне вдруг становилось совершенно ясно, что осилить ту или иную начатую книгу я не в состоянии... Но теперь, когда я пишу об англо-американском фольклоре и уже написал пять томов, мною движет не честолюбие, а такая прозаическая вещь, как план. И, конечно, интерес или даже любовь к предмету, о котором пишу. Я понял, что стал ремесленником. Это понятие не приветствуется романтиками, но оно было священным в старые времена. Таким образом, я просто занимаюсь ремеслом, которым, надеюсь, худо-бедно овладел, и следую принятому на десятилетие плану. Тему англо-американской музыки я должен закончить к пятидесяти пяти, потому что после этого мне будет не под силу совершать многодневные и утомительные поездки в поисках материала. Уточню: основные источники для написания моих книг – это старые пластинки, справочные издания, биографии и другие специальные книги. Я также изучаю места, где жил и творил тот или иной музыкант. Все это находится далеко от России.

2. *Мы все воспитаны на классике – Пушкин, Цветаева, Мандельштам... К кому из писателей современности обращается сегодня Ваша душа?*

К сожалению, на упомянутой Вами классике воспитаны не все... Например, я не воспитан. А.С.Пушкин еще присутствовал в детстве, в основном в виде сказок, а имена Цветаевой и Мандельштама я узнал уже будучи взрослым... В 1969 году дедушка подарил мне «Рассказы о русских писателях» автора Н.С.Шер, сопроводив надписью: «Как необходим тебе воздух для жизни, так необходимо эту книжку прочитать и проанализировать». Увы, долгие годы я не воспринимал буквально эту дорогую мне надпись. Но теперь я принадлежу к тем, кто думает над прочитанным гораздо дольше, чем, собственно, читает. Кроме того, если речь о писателе русском, то не меньше замысла я жду от него красоты слога: тут мы избалованы Пушкиным, Гоголем, Тургеневым, Лесковым... Возможно, поэтому, когда я открываю книгу современного русского писателя и нахожу дурной язык, – тотчас закрываю книгу: меня уже не интересует содержание... Вероятно, я не прав, но это так. Я предпочитаю открывать для себя русских писателей прошлого, которые не на слуху. Так, три года назад (по заочной рекомендации Ивана Бунина, а затем и Льва Толстого) я прочел роман «Гарденины» А.И.Эртеля, и был потрясен им совершенно, и нахожу этого писателя великим... А прочитайте Д.В.Григоровича. Например, его рассказ «Деревня»... А сейчас читаю Герцена, которого когда-то недолюбливал из-за навязывания «Былого и дум»... У меня есть несколько книг – публицистических и литературоведческих – В.Я.Курбатова. Я ими восхищаюсь до злорадства. Или книги нашей Валентины Федоровны Кашковой... Вот образец обращения с русским языком! Если говорить о писателях зарубежных, то я, видимо, навсегда буду оставаться под обаянием Марселя Пруста и его учителя англичанина Джона Рёскина. Последний для меня – главный методист по исследованию искусства. Впрочем, таковым является и мой учитель, увы ушедший, Борис Исаакович Зингерман... Недавно я прочел роман «Раскаявшийся» лауреата Нобелевской премии Исаака Зингера. В нем тщетно искать красоты русского слога, замысел тоже простоват, но дух, исходящий от этой книги, – грандиозен! Я убежден, что если искусство существует, чтобы доставлять нам наслаждение, то литература призвана укреплять наши сердца и души. В этом смысле

небольшая книга Зингера очень меня укрепила... Меня также потрясла книга воспоминаний Вадима Ивановича Туманова, дружбой с которым я дорожу... Повторю, главное не в том, сколько прочитано, а в том, что прочитано и сколько над прочитанным подумано.

3. Вы часто бываете за рубежом. Помню Вашу выставку фоторабот о Франции. Сейчас в Америке продолжаете работу над очередной книгой «Очерков об англо-американской музыке пятидесятих и шестидесятих годов XX века». Что для Вас означает понятие Родина?

Лет восемь назад я был приглашен в одно далекое село в Ярославской области. На встречу в местном клубе собралась, наверное, большая часть населения – от мала до велика, – и даже некоторые животные присутствовали, потому что в аудиторию неожиданно вошла коза и следом собака. А на первом ряду сидели босоногие мальчишки и что-то яростно жевали. Я спросил, что именно. Оказалось, гудрон, который они называли «гурдоном». И один из них достал из-за пазухи немалый кусок черной смолы и великодушно предложил мне... Между тем я рассказывал о своей последней на то время книге «Две Дороги»: о Пушкинских Горах и Франции. И когда я расписал красоты Прованса и Бургундии, неожиданно встала старушка, восьмидесятипятилетняя или даже старше, самая пожилая в этом селе, и произнесла в мой адрес следующее: «Я вам так скажу, товарищ писатель: краше нашей Макаровки на свете места нет!..» После чего демонстративно направилась к выходу, между прочим под аплодисменты и одобрительные возгласы, которые, конечно, были мне упреком. Я успел спросить, была ли она где-нибудь, кроме этой Макаровки, на что она, пробираясь между односельчанами, тотчас ответила: «Не была и никуда не хочу!..» Так вот, отношение к понятию «родина» у меня совершенно иное, чем у той макардовской старушки. Гораздо сложнее. Я не пишу слово «родина» с большой буквы, как не пишу с большой буквы и слово «мама»... Кстати, вскоре в помещение вбежала возбужденная глава администрации этого села и сказала, что начался сильный дождь и если я через пять минут не покину это прекрасное село, то рискую остаться в нем как минимум на несколько дней, так как, по ее словам, «дороги вконец разбухнут и даже трактор не пройдет». Так что я срочно ретировался... Итак, о понятии «родина»... Волей обстоятельств, я был зачат на Украине, но родился на Урале, в

Челябинске. В два года меня «вернули» на Украину, в город Гайсин, Винницкой области, где я провел следующие четыре года, окруженный безграничной любовью бабушки, дедушки и тети. Но в первый класс я пошел в Свердловске. А во второй и третий вновь на Украине, после чего был очередной раз перемещен на Урал... Там я закончил школу, профтехучилище и из Свердловска был призван в армию. Служил я во Пскове, и эти два года стали для меня очень важными. Затем я девять лет жил в Набережных Челнах, откуда, можно сказать, «вышел в люди»... С 1993 года я в Москве. А с 2004-го большую часть времени провожу за границей отечества... Что же считать моей родиной? Челябинск, Свердловск, Гайсин... В душе я считаю своей родиной Гайсин. Но значит ли это, что я должен оставить все прочее и устремиться туда, чтобы прожить остаток своей жизни под сенью тамошних лип и акаций? А как быть с Торжком, который мне близок и дорог, как быть с Пушкинскими Горами и Псковом? Как быть с Парижем, который я очень люблю и с которым был связан столько лет? А Америка, о которой пишу и о которой думаю день и ночь, а дорогая и спасительная для меня Финляндия? Я не принадлежу к тем, кто готов отдать за родину жизнь, и очень надеюсь, что более буду полезен отечеству, если останусь еще какое-то время живым... И мне очень жаль тех, кто, подобно макаровским старушкам, не видел мира дальше своего огорода и для кого отечество свелось к нескольким соткам. Но как поставить им это в вину, если государство наше держало народ свой в узде да еще отождествляло с собой священное понятие «родина», убеждая писать его с большой буквы? И еще: есть такое понятие, как «человек мира». Я не отношу себя к таковым. Например, меня совсем не тянет на восток. Я не хочу в Африку, в Индию, в Китай... Меня тянет только туда, где «обитает» предмет моего внимания. Я очень люблю Францию, ее провинции, но когда я стал писать об англо-американском Фолк-Возрождении, то я забыл о Франции... Да и в Англии или Америке я стремлюсь только туда, где живут или жили мои герои... Вот сейчас я сижу в одном из новоорлеанских мотелей и отвечаю на Ваши вопросы, а перед глазами у меня день, проведенный на родине джаза. Он возник еще в конце позапрошлого века, а покорила весь мир... Но я здесь больше думаю не о джазе, а об урагане «Катрина», который разразился два года назад и потопил большую часть города, унеся жизни более двух тысяч жителей. Я видел сегодня следы этой трагедии и потрясен увиденным...

4. Чувствуется, Вас задело за живое англо-американское Фолк-Возрождение, Вы полны интереса к фолксингерам. Столько написать о фолк-музыке – 4 тома! Что, кто удерживает Вас в этой тематике?

Прошедший век дал миру очень много худого. Он прошел под знаком мировых войн, постоянных локальных конфликтов и под угрозой новой глобальной войны, очевидно последней в истории. Доброго было гораздо меньше. Так вот, самым главным культурным событием 20 века я считаю послевоенное фолк-возрождение, то есть обращение народов, победивших фашизм, к своим корням, прежде всего к народной песне. И наш народ тоже готов был ожить после войны, вернуться к своим песням и танцам, еще сохранявшимся в России, но люди были скованы тоталитарной коммунистической системой, провозгласившей, вместо русской народности, так называемую «новую общность» – советского человека, который должен петь определенные песни. В итоге наш богатый фольклор не был записан на звуковые носители, не был собран и систематизирован... Например, Нортумберленд – небольшая область на границе Англии и Шотландии – насчитывает тысячи записанных песен, сотни изданных пластинок, которые хранятся в особенных фонотеках. В Лондоне в Доме народного танца и песни, называемом Домом Сесила Шарпа, я видел железные сейфы с оригинальными пластинками английского фольклора. В Библиотеке Конгресса США хранятся десятки тысяч оригинальных пластинок англо-американского фольклора, а Смитсоновский институт, в той же Америке, издает ежегодно сотни компакт-дисков, журналы, справочники, исследовательские книги, устраивает фестивали и конференции, посвященные фольклору... Когда же я вознамерился привезти в Англию образец нашего русского фольклора, то не знал, где его достать. Оказалось, его попросту негде приобрести. Известны имена сотен фольклористов, которые с середины 19 века обошли или объездили Британские острова и Америку, выискивая и записывая в блокноты, а затем и на звуковые носители образцы фольклора. Но много ли имен отечественных фольклористов можем назвать мы?.. Итак, меня не на шутку увлекла тема англо-американского Фолк-Возрождения пятидесятых и шестидесятых годов, и я, не останавливаясь, отдал ей пять лет. Сейчас углубляюсь в изучение афро-американской культуры и такого явления, как блюз. Как он родился? где его корни? как проник в современную музыкальную культуру и стал доминировать в ней?

кто является главными героями блюза? – вот лишь несколько основных вопросов, которые меня волнуют, вот для чего уже третий год мы вместе с моей главной сподвижницей, Светланой Брезицкой, отправляемся к берегам Миссисипи, в Техас, Луизиану, Алабаму, Джорджию и Теннесси. И, поверьте, исследование блюза – огромное наслаждение.

5. 50 лет – рубеж, когда невольно оглядываешься назад: что было, как было... Нет ли у Вас, Валерий Фридрихович, сожалений о чём-то несбывшемся?

К счастью, наши рубежи не связаны с возрастом. Мне было почти сорок, когда я начал писать книги, и намерен продолжать. Мои рубежи, таким образом, связаны с написанием книг. Вот уже шесть лет, как я всецело занят англо-американской музыкой. Каким будет следующий рубеж? Не знаю. Гадать трудно, но очевидно одно: это будет нечто совсем иное, чем то, о чем я мог бы думать сейчас... Если бы мне двадцать лет назад кто-нибудь сказал, что я буду писать книги о Торжке, Чукотке или о фольклоре другой страны, – я бы не поверил... Сожаления о несбывшемся у меня есть, и немало, но я ими не терзаюсь. Хотя иной раз бывает и такое. Например, я сожалею, что не записал на магнитофон воспоминания бабушки и дедушки, да что там воспоминания – хотя бы просто их голоса. Ведь были в середине семидесятых уже магнитофоны... Я сожалею, что поздно стал учиться чему-то стоящему. Иногда сожалею, что лет пятнадцать отдал политике и напрасному витийству, читал не те книги, писал не те статьи, говорил не те речи... Были и постыдные поступки... Но я не отказываюсь от своего прошлого, и, признаюсь, у меня завидная биография.

6. За эти годы был ли кто-то в Вашей жизни, кого Вы могли бы назвать поддержкой и опорой, сподвижником на замыслы в творчестве?

Я уже назвал Светлану Брезицкую. Она – моя главная опора. Мы вместе ездим, вместе готовимся к поездкам и разрабатываем план, Светлана вместе со мной ищет музыкальный и печатный материал, выступает переводчиком на встречах, водит вместе со мной машину, устраивает, как может, дорожный быт, терпит меня в процессе написания книги, а после того как готов черновик – редактирует его, так что она вполне может считаться моим соавтором, и то, что на титуле

стоит только моя фамилия, – отчасти несправедливо. Есть у меня поддержка и заочная. Это мои друзья – живые и ушедшие, и я благодарен Вам за вопрос, потому что могу назвать их имена. Мне очень дорога Анна Михайловна Ларина-Бухарина. Ей я обязан очень многим, но прежде всего ее заботой обо мне, молодом человеке из провинции, вздумавшем вместе со своими соратниками бороться за реабилитацию ее мужа – Николая Ивановича Бухарина. Анна Михайловна познакомилась со мной с целой когортой шестидесятников – Леном Вячеславовичем Карпинским, Отто Рудольфовичем Лацисом, Тимуром Аркадьевичем Гайдаром, Юрием Федоровичем Карякиным, а также с американским историком и политологом Стивенем Коэном. Она же свела меня и с выдающимся философом и историком Михаилом Яковлевичем Гефтером, чья биография, кстати, связана с Торжком: он воевал, был тяжело ранен и лечился в здешнем госпитале. В период моей политической активности важную роль сыграл в моей судьбе Владимир Александрович Тихонов, академик ВАСХНИЛ, лидер кооперативного движения в СССР, а затем и в России, увя рано ушедший. Вспоминаю часто Юрия Петровича Любимова, с которым мы несколько лет были тесно связаны; Вячеслава Петровича Нечаева, директора Театральной библиотеки в Москве, помогавшего мне писать книги, в частности о Торжке; Бориса Исааковича Зингермана, выдающегося искусствоведа и театрального критика; Святослава Николаевича Федорова, великого доктора и отважного человека... В середине девяностых, в очень сложный период, меня и мою семью поддерживали Геннадий Викторович Хазанов и его жена Злата Иосифовна, о чем я всегда с благодарностью вспоминаю... Я счастлив дружбой с Валентином Яковлевичем Курбатовым, которого считаю выдающимся литературным критиком, с Георгием Николаевичем Василевичем, преобразившим Пушкиногорский заповедник, сумевшим сохранить и приумножить наследство, доставшееся от легендарного Семена Гейченко. В Казани живет еще один мой друг – философ и музыкант Наиль Мустафин. То, что я взялся за книги об англо-американской музыке, – во многом его влияние. Григорий Алексеевич Явлинский долгие годы поддерживал меня, издавал мои книги, оплачивал дорогостоящие поездки; а мой добрый друг Леонид Михайлович Краснер предоставил мне все условия для жизни и работы... Часто спрашивают: «А на что ты живешь, ездешь, пишешь книги?» Так вот – это все они!.. И конечно, я благодарен судьбе за счастье дружбы с Валентиной Федоровной Кашковой. Когда

мне беспокойно, я просто набираю её номер и говорю: «Валентина Федоровна, это я...»

6. Каково Ваше жизненное кредо?

У меня никогда не было и нет какого-либо кредо. Я стараюсь всегда работать и с некоторых пор стремлюсь следовать заповедям Божьим. Если это принимать за кредо – то пожалуйста.

8. Что бы Вы пожелали читателям «Торжокской недели»?

Я знаю, что среди них есть те, кого принято считать «интеллигенцией». Мое пожелание адресовано к ним. Торжок – необычный город. Его отличие в тонкой и уходящей «прослойке» – интеллигенции небольшого российского города, носительнице духа высокой культуры прошлого. Не случайно именно в Торжок я приезжаю вот уже более десяти лет кряду. Торжок не абстрактен, он не в стенах домов, не в тротуарах, не в «улочках, сбегаящих к реке», – а в людях. Не будь здесь Валентины Федоровны Кашковой, Таисии Владимировны Горох и еще нескольких подвижниц и хранительниц отечественной культуры – что мне здесь делать? Отсюда вопрос: кто идет вслед за ними? Отсюда и мое пожелание читателям «Торжокской недели» – продолжать дело новоторжской интеллигенции, брать на себя ответственность за сохранность культурного и духовного наследия. Без этого древний Торжок очень скоро превратится в заурядный провинциальный «поселок городского типа». Библиотеки, музеи, школы, училища, всевозможные поэтические и музыкальные объединения, народный промысел, дома творчества и прочее – все это очаги, вокруг которых собираются люди. Там же создается культурная среда, и оттуда она распространяется по городу и окрестностям. Я желаю, чтобы «Торжокская неделя» выступала организатором и рупором этой среды.

*21-25 сентября 2007 г.,
Луизиана, США*